

ББК 63.48

К.Ю. Кирюшин

Специфика археологического микрорайона «Бирюзовая Катунь» в сравнении с синхронными памятниками сопредельных территорий

Ключевые слова: археология, археологические раскопки, пещера, грот, культовое место, курган тюркского времени.

Key words: the archeology, the archeological excavations, the cave, the grotto, a sacred place, the barrow of Turkic times.

До недавнего времени левый берег Катуни в ее нижнем течении от Аржан-Су до с. Ая в археологическом отношении оставался практически неизученным. Во многом это было связано с тем, что левый берег Катуни на этом участке покрыт лесом с густым подлеском. До 2002 г. от с. Ая к Тавдинским пещерам вела заброшенная дорога. Эти обстоятельства делали территорию от Аржан-Су до с. Ая труднодоступной для исследования. Среди специалистов-археологов даже стало формироваться мнение, что левобережье Нижней Катуни – район, не перспективный для поиска археологических памятников.

Начавшееся хозяйственное освоение этой территории сделало левый берег Катуни более доступным для посещения и привлекло внимание специалистов археологов. Сегодня Особая экономическая зона туристско-рекреационного типа (ОЭЗ ТРТ) «Бирюзовая Катунь» – один из наиболее динамично развивающихся, крупнейших инвестиционных проектов не только в Алтайском крае, но и в России. До 2002 г. на территории ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь» был известен только один памятник археологии – Большая Тавдинская пещера, поставленный на государственную охрану постановлением Алтайского краевого Законодательного собрания (АКЗС) №169 от 28.12.1994 г. Начиная с 2002 г. на «Бирюзовой Катунь» обнаружено десять новых археологических памятников. Главной задачей в 2002–2003 гг. являлось выявление объектов археологического наследия, которые могли быть уничтожены в ходе хозяйственного освоения территории. В июле 2004 г. под руководством П.И. Шульги проводятся раскопки кургана тюркского времени у Тавдинских пещер, в котором был захоронен подросток с жеребенком. После раскопок курган был реконструирован в первоначальном виде.

В мае 2005 г. между руководством «Бирюзовой Катуни» и Алтайским государственным университетом (АлтГУ) заключен договор о сотрудничестве, по которому АлтГУ проводит работы по интеграции объектов археологического наследия ОЭЗ ТРТ в сферу туризма. В рамках этого договора летом 2005 г. начались работы по созданию археологического парка «Перекресток

миров». Так, в июне 2005 г. в лесу на берегу Катуни раскопан курган тюркского времени, размером 3,8х3,2 м, сложенный из окатанных речных галек. В ходе работ прослежена последовательность сооружения кургана. Первоначально была вырыта могильная яма, в которой совершенно погребение человека. После этого с юго-восточной стороны кургана была сделана прямоугольная пристройка из плоского рваного камня, в которой на уровне древнего горизонта сохранились следы мощного прокала. Видимо, следы огня связаны с поминально-обрядовыми действиями. После этого из крупных плоских окатанных камней выложено кольцо, которое перекрывало пристройку. Для сооружения насыпи использовались крупные плоские вытянутые окатанные гальки, первый ряд которых укладывался на крупные камни, образующие кольцо, следующие ряды укладывались во внутреннюю часть круга. Таким образом, получилось, что гальки из насыпи кургана выставлены по кругу розеткой, под углом, вниз по направлению к центру кургана. После чего щели между камнями были забутованы мелкой галькой. В этом кургане раскопано погребение человека с конем. Судя по костям скелета, захоронен человек преклонного возраста. У погребенного полностью отсутствуют зубы на верхней челюсти, а на нижней справа и слева нет коренных зубов. В погребении встречено много предметов сопроводительного инвентаря: четыре наконечника стрел (один со свистулькой), долото, нож, два поясных набора, предметы конского снаряжения (удила и псалии, стремяна, подпружная пряжка), встречены остатки погребальной пищи (астрагалы барана). Особенно интересны находки зернотерки в ногах у погребенного и зерен проса [1]. Предварительное определение палеокарпологических образцов показало наличие семян просовидного комплекса и ряда сопутствующих сорняков. Среди найденных семян определена основная зерновая культура – просо обыкновенное (посевное) *Panicum milliaceum* L. и небольшое количество семян сорных растений. При определении установлены следующие виды: *Galeopsis speciosa* Mill., *G. ladanum* L., *Stachys palustris* L., *Sinapis arvensis* L., *Stellaria media* L., *Potentilla* sp. cf. *supina* L., *Carex* sp. cf. *acuta* L. (фото 6). Дадим краткий комментарий этим видам. *Stachys palustris* L. *Sinapis arvensis* L., *Stellaria media* L., *Potentilla* sp. cf. *supina* L. – сорные виды, характерные для яровых культур при неорошаемом земледелии при сравнительно влажном климате на территории, где произрастало просо. На-

хождение *Galeopsis speciosa* и в определенной степени *G. ladanum* изменяет сложившееся во флористике представление о заносе этих видов на территорию Сибири в ходе русской колонизации в связи с масштабным развитием земледелия, т.е. в последние 300 лет. Что же касается типа земледелия, то, вероятнее всего, это было подсечно-огневое земледелие, характерное для лесной зоны. Также, возможно, использовались орудия для обработки пашни, так как связанные с просовидным комплексом семян сорняки, требуют для своего развития рыхлой почвы и в настоящее время засоряют пропашные культуры, относятся к так называемым пропашным сорнякам [1].

В результате исследования одиночного кургана Бирюзовая Катунь-1, получен высокоинформативный материал, который требует дальнейшего изучения узкими специалистами. Хотелось бы также отдельно отметить, что вывод о наличии пашенного земледелия на территории Горного Алтая в тюркское время существует пока только на уровне рабочей гипотезы и требует более серьезной аргументации. В этнографической литературе традиционное земледелие народов северных предгорий Алтая в XIX – начала XX в. рассматривается как классический пример подсечно-огневой системы, которое носило преимущественно ручной (мотыжный) характер. У кумандинцев (начала XX в.) и степных шорцев вспашка производилась с использованием конной тяги и примитивной сохи [2, с. 56–57]. Время появления, становление и развитие пашенного земледелия у народов Алтая – тема малоизученная в научной литературе. Л.П. Потапов, исследуя хозяйство алтайцев в XIX в., отмечает, что, кроме земледельческих орудий, заимствованных у русских крестьян, у южных алтайцев для разрыхления почвы использовались два архаичных орудия: андазын и абыл [3, с. 208–209]. Абыл – это мотыга, а андазын – простейшая деревянная соха с железным наконечником, которая волосяным арканом крепилась к седлу лошади [3, с. 208–209]. Судя по названиям, эти орудия имеют автохтонное происхождение. В какое время появляются эти орудия у народов Алтая, точно неизвестно. Исследователи отмечают, что названия зерновых культур у челканцев (ячмень – *арва*, пшеница – *тудей*, просо – *таран*, рожь – *арыш*) находят параллели во многих тюркских языках и диалектах [2, с. 58], и некоторые из них (*таран/тары*) – восходят к древнетюркской и даже пратюркской традиции [4, с. 14–15].

В июле 2005 г. под руководством В.П. Семибратова начались раскопки в гроте Тавдинском, в ходе которых выявлены слои скифского времени и финального неолита – раннего энеолита. Комплекс скифского времени представлен фрагментами керамики, костями животных, рыб и птиц. В процессе работ возникло предположение, что мы имеем дело не с обычным поселением, а с культовым местом. В пользу этого

мнения свидетельствовал набор костей животных, не характерный для скифских поселений. Костные остатки в Тавдинском гроте отличаются большим разнообразием представителей животного мира (рыбы, птицы, грызуны, пушные звери, мелкие и крупные копытные). В пользу того, что комплекс скифского времени связан с культовым местом, свидетельствует анализ керамических коллекций. Вся керамика сильно фрагментирована. Скорее всего, это следствие преднамеренной фрагментации, связанной с проведением обрядов принесения даров богам или духам. Особенно уникальна находка изделия, выполненного из рога крупного самца косули. Интерпретация этого изделия неоднозначна. Во-первых, выдвинуто предположение, что резная часть рога в виде трех выступов является антропоморфным изображением, возможно, частью навершия шаманского посоха, что это изделие не утилитарного назначения, которое использовалось при совершении культовых действий в скифское время, когда в Тавдинском гроте функционировало святилище [5, с. 334]. Во-вторых, по трасологическому определению П.В. Волкова [6, с. 218], этот роговой предмет использовался как крюк, активно контактировавший с органикой (мясом, кожей).

Не менее интересные находки были сделаны при исследовании комплекса финального неолита – раннего энеолита. Каменные артефакты, найденные в гроте, пока немногочисленны (вскрытая площадь слоя – 8 кв. м), но достаточно выразительны. Продукты оформления нуклеусов представлены боковым сколом и снятием ударной площадки нуклеуса. В орудийный набор входят продольное скребло и круглое скребло, выполненным на сланцевой плитке, три наконечника стрел и одним обломком наконечника, острием и отбойником. Интерес вызывает находка изделия из рога косули, которое, скорее всего, использовалось как отжимник. Отходы производства представлены отщепами, осколками, проксимальными фрагментами пластин. Очень интересна находка медного шила. Уже сейчас можно уверенно говорить об очень раннем возрасте материалов Тавдинского грота (середина IV тыс. до н.э.). Вполне возможно, что медное шило относится к числу наиболее ранних металлических предметов в Сибири. Неожиданными оказались находки 29 перламутровых подвесок, которые нашивались на одежду [7, с. 255]. Как правило, такие артефакты характерны для погребальных комплексов.

Во время раскопок третьего горизонта найдены резцы алтайского сурка (*Marmota baibacina*). Визуально следы использования на резцах не фиксировались. В результате определения видового состава мелких млекопитающих из Тавдинского грота, выполненного кандидата биологических наук Т.А. Дупал (Институт систематики и экологии животных СО РАН), выяснилось, что кроме 25 резцов алтайского сурка (*Marmota baibacina*), больше не встречены кости этого животного.

го. Резцы сурка без видимых следов обработки часто встречаются в неолитических погребениях Алтая, и всегда их считали элементами украшения костюма [8, с. 38; 9, с. 61; 10, с. 38–39]. Поэтому было решено исследовать резцы трасологически с целью определения их возможного использования. Обследование поверхности клыков сурка показало, что они имеют следы преднамеренной обработки человеком и использовались им в качестве орудий труда. Совокупный анализ артефактов позволил определить технологию производства и функцию данных орудий. Все изученные изделия представляют собой «перфораторы», т.е. орудия для прободения мягких органических материалов. Можно предположить, что использовались изучаемые инструменты для прокалывания относительно толстых шкур именно при их сшивании. Учитывая размер, прочность и интенсивность износа рассматриваемых орудий, можно предположить, что применялись они при изготовлении относительно прочных, больших по размеру изделий, вполне возможно, таких как тент или покрытие каркасного жилища. Определение этих артефактов как «перфораторов» оказалось несколько неожиданным, но это открывает новые перспективы для реконструкции среды обитания населения Тавдинского грота в финальном неолите – раннем энеолите. Представляется перспективным трасологическое исследование материалов уже известных комплексов неолита-энеолита с целью поиска следов аналогичной технологической традиции.

Летом 2006 г. археологические исследования на территории туркомплекса «Бирюзовая Катунь» были продолжены. Исследованы несколько поминальных оградок и одиночный курган тюркского времени. Полученные материалы требуют серьезного лабораторного исследования. Наиболее интересные находки сделаны при исследовании поминальной оградки Бирюзовая Катунь-1, рядом с которой найдено каменное изваяние, на котором изображен человек. Изваяние выполнено на стеле, грани которой обработаны по периметру. Четко очерчен овал лица, глаза, рот, головной убор и левая рука, в которой находится сосуд. До сих пор на территории Алтайского края было найдено только одно каменное изваяние тюркского времени на Гилевском водохранилище. При исследовании одиночного кургана Бирюзовая Катунь-3 было вскрыто захоронение мужчины с богатым сопроводительным инвентарем (изготовленный из железа колчаный пояс, 14 наконечников стрел, нож, шило, тесло; бронзовые серьга и полный комплект поясного набора).

В 2006 г. в результате обследования долины р. Усть-Уба впервые в Алтайском крае были документально зафиксированы солярный знак и руническая надпись VIII–XII вв. н.э. [11]. До этого на территории края не было достоверно установленного местонахождения ни одного наскального рисунка и ни одной рунической надписи.

Летом 2007 г. в ходе работ были обнаружены еще три грота, в которых выявлены слои скифского времени и эпохи камня (предварительная датировка – неолит или энеолит). Причем уже сейчас можно говорить о том, что по крайней мере некоторые из гротов использовались как загон для мелкого рогатого скота. Таким образом, возникает проблема реконструкции среды обитания населения этого археологического микрорайона. Кроме гротов, в 2007 г. выявлен крупный курганный могильник Бирюзовая Катунь-4, который планируется исследовать в 2009 г.

Можно констатировать, что уже сейчас выявлен новый археологический микрорайон на территории «Бирюзовой Катуни». Причем следует говорить о специфике этого археологического микрорайона, серьезный анализ которого в кругу синхронных памятников Алтая и сопредельных территорий невозможен без использования этнографических материалов.

Мы считаем, что основным фактором, определяющим специфику археологического микрорайона «Бирюзовая Катунь» является наличие на этой территории многочисленных карстовых полостей. В научной литературе уже упоминалось о повсеместном представлении коренного населения Сибири о том, что пещеры – вход в нижний, темный мир. «Причем, вход нереальный, иначе карстовые полости никогда бы не использовались ни в качестве жилья, ни в качестве временных загон для скота. По представлениям аборигенов Сибири «входом» мог воспользоваться только шаман в состоянии камлания, т.е. находясь не в реальной стороне бытия, а в одном из своих идеальных перевоплощений. В местностях, где не имелось скальных выходов с карстовыми полостями, в качестве «входа в нижний мир» фигурировали норы, берлоги или, на худой конец, глубины водоемов. Шаман, чтобы попасть туда, должен преобразиться в одно из «темных» животных – медведя, выдру, бобра, сурка и т.п.» [8, с. 41].

В расположении культовых комплексов в пещерах горно-лесного Урала исследователи [12, с. 26] обнаруживают определенную закономерность:

культовые пещеры часто дислоцируются возле глубоких омутов и (или) больших островов в русле реки (Ушминская, Шайтанская, Лобвинская, Жилище Сокола, Уньинская, Канинская). Такие места также часто особым образом почитались манси; считалось, что именно здесь обитал дух речных вод Виткась. Вероятно, такое расположение усиливало сакральный статус подземной полости и в какой-то степени определяло выбор ее для организации святилища;

при выборе пещеры особое внимание уделялось и ее морфологии. Зачастую выбирались пещеры с внутренними колодцами (Ушминская, Лаксейская, Шайтанская), в ряде случаев (Лобвинская, Канинская, Уньинская, Ушминская пещеры) фиксируется два входа.

С этой точки зрения, карстовые комплексы «Бирюзовой Катунь» идеально соответствуют всем требованиям для размещения культового места. Прямо напротив Тавдинского грота (около 250 м), на берегу Катунь расположен грот Ихтиандра, около которого имеется большая заводь (она же глубокий омут). Прямо над Тавдинским гротом расположена Большая Тавдинская пещера. В спелеологических источниках указываются различные размеры пещеры (от 140 до 270 м) и разное количество входов (от 2 до 9) [13, с. 73]. Мы ориентируемся на данные В.К. Вистенгаузена, который указывает длину всех ходов пещеры – 270 м, в том числе основной (магистральной) галереи – 140 м, и отмечает, что формально входов 9, но главных – 4 [13, с. 73]. До 60-х гг. XX в. в пещере был колодец, который потом засыпали. В связи с этим просматриваются очень интересные аналогии с Айдашинской пещерой [14, с. 42–59], в которой имелось два входа вертикальный и горизонтальный. Материалы, полученные в результате исследования Айдашинской пещеры, уникальны. Это многочисленные наконечники стрел, бляшки, пряжки, украшения, зеркала, разнообразные предметы многие из которых являются образцами декоративно-прикладного искусства, и представляют различные эпохи и археологические культуры в широком интервале начиная от неолита и до Средневековья [2, с. 56–57].

Видимо, колодец был важен для проведения обрядов и культовых действий как место, откуда невозможно (либо чрезвычайно трудно) забрать принесенные (т.е. брошенные) дары.

А.П. Деревянко и В.И. Молодин отмечают, что «традиция почитать пещеры или каких-то духов, связанных с пещерой, вероятно, все более усиливается в переходный период от бронзового к железному веку» [15, с. 131]. Таким образом, выводы о существовании в скифское время культового места в Тавдинском гроте в целом совпадает с имеющимися этнографическими материалами и наблюдениями, сделанными археологами при исследовании культовых пещер горно-лесного Урала и Алтая.

Вполне возможно, что исследованные в одиночных курганах Бирюзовая Катунь-1 и Бирюзовая Катунь-2 погребения могут быть как-то связаны с принадлежностью похороненных к темному подземному миру. Пока это только предположения. В литературе уже отмечались трудности в определении погребений шаманов. Одним из аргументов в пользу этого предположения может стать захоронение умерших вне крупных некрополей (в радиусе нескольких километров известно по крайней мере три крупных курганных могильника: Тавдушка, Чултуков Лог и Бирюзовая Катунь-4).

Во-вторых, расположение курганов на первой террасе Катунь близко от уреза воды. По этнографическим материалам русского населения известно, что если человека считали колдуном или колдуньей, ведьмаком или ведьмой, то специально хоронили в

сырых болотистых местах, чтобы тело быстрее разложилось. Нельзя исключать возможность наличия подобных представлений при выборе месторасположения курганов.

В отношении захоронения в одиночном кургане Бирюзовая Катунь-1 можно к вышеперечисленным добавить следующие аргументы:

во-первых, это возраст погребенного (более 60 лет). Как отмечают исследователи, учеба будущего шамана длилась в течение 20 лет в зависимости от способностей кандидата. По истечении этого срока, пройдя все степени посвящения, нередко лишь к 60 годам он становился настоящим шаманом, и ему присваивали высший титул, который звучал по-разному в зависимости от того, с каким миром был связан шаман: Верхним, Средним или Нижним [16, с. 87].

Не факт, что умерший был шаманом, но, видимо, у современников было к нему особое отношение в силу его возраста, так, например, по представлениям ненцев, *сидянг* (душа) незадолго до смерти уже покидал тело человека, не имея возможности больше крепко держаться в нем. Старика, пережившего своих ровесников, называли *нгытарм*. Другие значения этого термина: 1) кукла, изготавливаемая после смерти взрослого человека; 2) покойник (взрослый), после смерти которого прошло уже много времени. Называя живого человека *нгытарма*, тем самым подчеркивали слабое существование *сидянга* в еще жизнеспособном теле. Считалось, что когда уходил из тела *сидянг*, разум начинал видеть мир духов [16, с. 57].

Особое отношение к человеку после 72 лет (шесть циклов 12-летнего календаря), по свидетельству информаторов, существует даже у современных народов Горного Алтая. Считается, что после 72 лет человек живет, подпитываясь жизненной силой окружающих (сокращая срок их жизни). По свидетельству информаторов престарелый человек без зубов должен был пользоваться особым отношением со стороны окружающих.

Мы уже отмечали находку зернотерки, куранта и зерен растений в составе погребального комплекса. В одной из работ было высказано предположение, что их нахождение в могиле почти наверняка связано с физическими отклонениями у погребенного (отсутствие зубов), в результате чего старик был не в состоянии питаться твердой пищей, а основу его рациона составляло питание растительного происхождения [1]. Не отказываясь от высказанных предположений, считаем необходимым отметить, что все эти находки могут быть связаны с сакральными представлениями о зерне как символе возрождения и о камне как материале, который не пропускает душу.

Исследователи, занимающиеся выяснением назначения таких предметов или их частей в погребальных сооружениях, пришли к следующим заключениям. В тех культурах, где формировались зачатки земле-

дельческого хозяйства, зернорастающие орудия, безусловно, были связаны с соответствующими представлениями о смерти и возрождении, плодородии и жизни. В тех же обществах, где данный вид хозяйственной деятельности отсутствовал или не играл существенной роли, жернова (или другие вещи такой функциональной направленности), судя по этнографическим материалам, символизировали предмет, который в рамках мифологической картины закрывал «вход» в нижний мир, олицетворением которой являлось погребальное сооружение – своеобразный дом мертвых [17, с. 37].

Еще одним аргументом может считаться конструкция кургана, при которой камни насыпи образовывали кладку «в замок». Таким образом, идея о камне как материале, который не пропускает душу, реализовывалась на практике, создавая наиболее плотное перекрытие.

Можно констатировать, что археологический микрорайон «Бирюзовая Катунь» имеет специфику,

связанную с наличием в этом районе карстовых полостей. Среди синхронных памятников наиболее близкие аналогии просматриваются среди культовых комплексов Алтае-Саянского нагорья и горно-лесного Урала. Понимание специфики археологического микрорайона «Бирюзовая Катунь» имеет вполне практическое значение. На территории ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь» находятся вертикальные карстовые полости (колодцы), которые до сих пор не рассматривались как потенциальные объекты археологического наследия. Также не обследовались горизонтальные полости, которые расположены на вертикальных, труднодоступных склонах. Обследовались прежде всего карстовые полости, удобные для проживания человека. Видимо с учетом специфики микрорайона стоит пересмотреть алгоритм поиска памятников археологии. Также необходимо учитывать эти обстоятельства при планировании полевых работ (раскопок) и камеральной обработки артефактов.

Библиографический список

1. Кирюшин, К.Ю. Палеоботанические данные по материалам исследований кургана Бирюзовая Катунь-1 / К.Ю. Кирюшин, М.М. Силантьева, В.П. Семibrатов, Т.А. Терехина // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Вып. XV. – Барнаул, 2006.
2. Бельгибаев, Е.А. Традиционная материальная культура челканцев бассейна р. Лебедь (вторая половина XIX – XX в.) / Е.А. Бельгибаев. – Барнаул, 2004.
3. Потапов, Л.П. Очерки по истории алтайцев / Л.П. Потапов. – М. : Л., 1953.
4. Селезнева, И.А. Традиционное хозяйство Тарских татар (вторая половина XIX – начало XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И.А. Селезнева. – Новосибирск, 2000.
5. Кирюшин, Ю.Ф. Исследования Тавдинского грота в 2005 г. / Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин, В.П. Семibrатов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XI. Ч. I : материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г. – Новосибирск, 2005.
6. Кирюшин, Ю.Ф. Роговые изделия Тавдинского грота / Ю.Ф. Кирюшин, П.В. Волков, К.Ю. Кирюшин, В.П. Семibrатов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Вып. XV. – Барнаул, 2006.
7. Волков, П.В. Трасологическое исследование перламутровых «бусин» из материалов Тавдинского грота / П.В. Волков, Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин, В.П. Семibrатов // Современные проблемы археологии России : сб. науч. тр. – Новосибирск, 2006. – Т. I.
8. Кирюшин, Ю.Ф. Археология Нижнетыткесенской пещеры 1 (Алтай) / Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров, Н.Ф. Степанова. – Барнаул, 1995.
9. Маркин, С.В. Неолитическое погребение северо-западного Алтая / С.В. Маркин // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – №2(2).
10. Кунгурова, Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая : монография / Н.Ю. Кунгурова. – Барнаул, 2005.
11. Кирюшин, К.Ю. Руническая надпись с реки Усть-Уба (Алтайский район Алтайского края) / К.Ю. Кирюшин, В.В. Горбунов, О.В. Даньшин // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2006 г. Археология, этнография, устная история. – Вып. 3 : материалы III региональной научно-практической конференции. 6–8 декабря 2006 г. – Барнаул, 2007.
12. Чаиркин, С.Е. Пещеры Урала: общий обзор / С.Е. Чаиркин // Культовые памятники Горно-Лесного Урала. – Екатеринбург, 2004.
13. Вистенгаузен, В.К. Пещеры «Бирюзовой Катунь» / В.К. Вистенгаузен // Проблемы развития туризма в Алтайском крае : материалы научно-практической конференции (Барнаул, 14 июня 2007 г.). – Барнаул, 2007.
14. Молодин, В.И. Меч Каролингов / В.И. Молодин. – Новосибирск, 2006.
15. Деревянко, А.П. Денисова пещера / А.П. Деревянко, В.И. Молодин. – Новосибирск, 1994.
16. Лар, Л.А. Духовная культура ненцев / Л.А. Лар, К.А. Ощепков, Н.А. Повод // Этнография и антропология Ямала / отв. ред. А.Н. Багашев. – Новосибирск, 2003.
17. Дашковский, П.К. Комплекс археологических памятников Айна-Булак в верхнем Прииртышье (восточный Казахстан) / П.К. Дашковский, З.С. Самашев, А.А. Тишкин. – Барнаул, 2007.